
ИСТОРИИ БУДУЩЕГО

М. И. ЯНОВСКИЙ

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье анализируется зависимость образов будущего общества от трансформаций научной картины мира. Выявлена связь появления утопий XVI–XVII вв., в частности образа будущего Т. Кампанеллы, с новой галилеевско-декартовской картиной мира. Проанализированы также возможные связи между общим представлением о пространстве и некоторыми особенностями образа устройства общества.

Ключевые слова: образ будущего, Кампанелла, Аристотель, эгоцентрическое мышление, рыночное общество.

Образ будущего общества волновал и продолжает волновать множество людей. Советское государство возникло из «образов будущего», созданных Т. Кампанеллой, А. Сен-Симоном, К. Марксом, В. И. Лениным. Современный Голливуд генерирует образы мрачных перспектив для человечества. Так или иначе строительством «образов будущего» занимается в наше время немало научных и интеллектуальных центров. Утверждают даже, что нынешняя череда разрушительных «цветных революций» – продукт «образа будущего», созданного интеллектуалами-постмодернистами типа К. Поппера, Ж. Делёза, Ж. Деррида и т. д. Свой «образ будущего» постмодернисты противопоставляют тоталитаризму, к которому они относят любые формы «идеократий», то есть подчинения идеям. Реально же острее их критики направлено на советский, марксистский «образ будущего».

Существует жесткая конкуренция «образов будущего», эхом которой являются идеологические конфронтации, ценностные конфликты и т. д.

*Историческая психология и социология истории 1/2021 5–11
DOI: 10.30884/ipsi/2021.01.01*

Возможно, самый известный и влиятельный «образ будущего» – «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (запечатленный, между прочим, в сознании многих бывших советских школьников через его аналог – «Солнечный город» из известной сказки Н. Носова). Сила воздействия этого образа на умы современников, на последующих мыслителей, по-видимому, связана не только с красотой созданной Кампанеллой мечты, но и с наличием глубинно-психологического измерения этого образа.

Т. Кампанелла (1569–1639) был современником кардинального переворота в картине мира – перехода от *геоцентрической* аристотелевской картины мира как ограниченной сферы, центром которой является Земля, к *космоцентричной* галилеевской картине, в которой мир бесконечен и *центр мира везде* (это новое понимание мира создавалось целой плеядой мыслителей-«героев» XV–XVII вв.: Николаем Кузанским, Николаем Коперником, Джордано Бруно, Галилео Галилеем, Рене Декартом). В этой связи в представлениях людей стало меняться понимание устройства мира: теперь представлялось, что энергия движения, жизни, развития, духовности не исходит лишь из одного места – из всемирного «Движителя», который раздает ее по уровням (как в картине мира Аристотеля). В новой картине мира она присутствует во всем, в том числе в каждом человеке. В приложении к социуму это означало, что деление на господ и рабов, элитариев и толпу теряет смысл и потому начинает восприниматься как анахронизм.

Теории естественных прав и души как «чистой доски», предложенные одним из главных идеологов рыночного общества Дж. Локком (1632–1704), казалось бы, вписали представления об обществе и человеке в новую картину мира. Неслучайно эти теории стали идеологической опорой множества буржуазных демократических революций (Англия, США, Франция и т. д.). До сих пор идеи Локка – основа идеологической пафосности США (Яновский, Ягодкин 2019), их аргументации в пользу «цветных революций». Теории Локка, однако, имеют базовый изъян: нигилизм (Там же). Утверждение, что все люди равны, и равны они в том, что их души по своей природе равны ничто («чистой доске»), равносильно отрицанию того, что человек имеет в себе некую сущность, внутреннюю духовность, силу жизни, человечность. Все это в него вкладывают общество, какие-либо «достойные граждане» и т. п. В этом смысле локкианство как раз содержит в себе зародыш элитаризма

и тоталитаризма (что можно увидеть по имитационно-демократическим олигархическим государствам типа США). Учение Дж. Локка в действительности сохраняет анахроничную догалилеевскую (аристотелевскую) картину мира.

Однако это «застревание», на наш взгляд, обусловлено не только политическими, экономическими и т. п. причинами, но причинами и психологическими, ментальными. Дело в том, что в основании аристотелевской геоцентрической картины мира лежит то, что можно назвать эгоцентрической познавательной и мировоззренческой позицией, или, если использовать терминологию Ж. Пиаже, эгоцентрическим мышлением (Яновский, Яновская 2019). Эгоцентрическое мышление, неспособное выйти из своей эго-позиции, продуцирует картину мира, которая опирается на сочетание незрелых, инфантильных представлений об устройстве реальности. Помимо прочего, это проявляется в представлениях о пространстве (Piaget, Inhelder 1948) (представления о пространстве важны, поскольку выполняют функцию базовой, опорной когнитивной структуры сознания). А именно – в двух таких представлениях:

1. Вещь неотделима от места, в котором находится, и характеристики вещи неотделимы от характеристик места. Поэтому так понимаемое пространство не существует само по себе как единая однородная реальность, а является набором разнородных мест пребывания или возможного пребывания вещей.

2. Вещи пересекаются, и место их встречи – это и есть пространство, среда, в которой они как бы проецируются друг на друга. Иначе говоря, пространство – это некое условие, дающее возможность кому-либо воспринимать, наблюдать что-либо.

Ж. Пиаже назвал эти два типа представлений о пространстве «пространство мест» (1) и «пространство проекций» (2) (*Ibid.*). Они оба характерны для эгоцентрического сознания – в определенной степени аутичного (живущего в своей искусственной удобной квазиреальности). В процессе когнитивного развития они сменяются психологически более зрелыми и сложными представлениями, которые соответствуют *многомерному (трехмерному) евклидову* (или декартову) пространству (*Ibid.*).

Важное, возможно, центральное место в эгоцентризме занимает пристрастность (= интенциональность) в каких-либо формах – в форме желания, потребности, отношения. Неслучайно поэтому, анализируя когнитивную «подоплеку» пристрастности, можно усмотреть в ней имплицитное мысленное предположение этих двух

пространств – «пространства мест» и «пространства проекций». Действительно, во-первых, пристрастность-интенциональность всегда чья-то, она всегда у *кого-то*, она в чьем-то владении. Значит, она имеет свое как бы расположение, *место*. Пристрастность (желание, потребность) и вообще «заземляет» субъекта, дает ему опору, место. И она как бы прячет субъекта в этом месте, отделяет от остального мира, «выносит за скобки», придает как бы исключительность. Пристрастность, таким образом, предполагает «*пространство мест*» (конечно, мысленное, не физическое). Во-вторых, пристрастность-интенциональность – это отношение, направленное на какую-то сторону объекта, какой-то аспект. Поэтому она имеет дело с определенной *проекцией* объекта. Значит, пристрастность предполагает «*пространство проекций*». Пристрастность в форме желания всегда связана с определенным отношением, «симпатией» к объекту желания, то есть с *проекцией* меня в него и его в меня. В целом пристрастность, таким образом, конфигурирует мир как сочетание двух форм структурирования реальности: мир как «пойманные» в определенные места предметы и мир как система отношений. Все в мире *где-то*, и в мире постоянно происходит *обмен*.

Но спроецируем это на социум и переведем на экономический язык. Получаем два принципа: принцип *собственности* и принцип *торговли*. И то и другое являются базовыми элементами рыночного общества. Эгоцентризм как некоторый тип сознания, таким образом, создает свое отражение – рыночное общество. Сила этого образа общества, следовательно, в соответствии структуре человеческого сознания в определенной его форме.

Так, существенным воплощением пристрастности как важного феномена эгоцентрического сознания является также вещь как потенциальный исполнитель желаний, то есть, на экономическом языке, – *товар*. Товар – вещь, за которой закреплено определенное желание, это своего рода временное убежище нашего желающего «Я», как бы экстерниоризованное желание. При этом неслучайно товар – это вещь как объект частной собственности и как элемент торговли. Ведь и частная собственность – это то, во что мы мысленно вкладываем себя. Также товар не может не существовать вне торговли, потому что именно торговля обеспечивает пересечение, встречи вещей, их взаимопроекции друг в друга, без чего они не смогут приобрести цену.

В целом приходим к выводу, что рыночное общество с такими его элементами, как частная собственность, торговля, товар, – реализация определенных когнитивных структур в социальной и экономических сферах. Образно говоря, рынок существует в головах, соответствует определенному типу структурирования сознания.

Вот почему воображение Т. Кампанеллы, направляемое новым, неаристотелевским образом мира, в том числе новым представлением о пространстве, связывало образ будущего с отсутствием частной собственности, товарно-денежных отношений и обузданием пристрастий. Ведь все это – реализации свойств догалилеевского образа мира.

Каковы общие характеристики зрелой картины мира? Зрелое представление о пространстве, согласно Ж. Пиаже, отличается *многомерностью* – способностью понимать независимое друг от друга сосуществование пространственных координат. Ребенок переходит к этому представлению, когда открывает, например, что вертикальное и горизонтальное измерения не зависят друг от друга, в частности – при наклонении сосуда с водой поверхность воды остается неизменно горизонтальной (Piaget, Inhelder 1948). Такая взаимная независимость параметров пространства при одновременной их взаимосвязи нашла отражение в декартовой системе координат: у Р. Декарта (1596–1650) координаты не зависят друг от друга, при этом они связаны друг с другом – через нейтральную, нулевую точку. Так появляется понимание пространства как воплощения свободы возможного действия, но в то же время обладающего связностью: благодаря взаимной нейтральности участков или параметров такого пространства оно является свободным; благодаря их взаимной сопряженности пространство связно. Свобода и связность – сочетание свойств, которого нет в аристотелевском образе мира. Его нет в силу того, что нет многомерности, – того, что иначе можно назвать *глубиной*.

Дело в том, что аристотелевский мир в некотором смысле плоский: он, в первую очередь, мир форм. Исходная бессвязность (хаотичность) мира в нем преодолеваются привнесением форм, целей, иерархии – по сути, вариациями несвободы. По мысли Аристотеля, формы задают порядок в мире. Поэтому они априори ценнее содержания. Но поэтому они легко выхолащиваются, становятся бессодержательными, то есть *пустыми*. Важнейшей психологической разновидностью подобного «пустоформия» является мысленная проекция себя в центр иерархии форм – на ее вершину, –

что есть сознание своей как бы элитарности, гордыня. Оно, на наш взгляд, является своего рода сердцевинным феноменом аристотелевского образа мира (как и, соответственно, «рыночного общества»).

Аристотелевский мир живет дилеммой «хаос – порядок». Гордыня – сопровождение процесса внесения порядка в какую-либо сферу. Но в действительности гордыня, будучи как бы самоценной, поэтому пустой формой, лишает систему жизненности, а значит, готовит условия для ее хаотизации. Гордыня, следовательно, несет в себе дилемму «хаос – порядок» как неразрешимое противоречие, которое привносится туда, куда она проникает.

Но для постаристотелевского образа мира эта оппозиция становится второстепенной. Она преодолевается многомерностью, потому что в многомерном мире свобода и связность не противоречат друг другу, а являются сторонами одного целого.

Обычно, говоря о нелоковских и негоббсовских образах общества, то есть об «утопиях», оценивают их как лишаящих человека свободы. В действительности в кампанелловском «Городе Солнца» сочетание взаимной свободы и взаимной связи – сквозное качество общества, отношений между людьми, структуры их индивидуального поведения. Приведем примеры. Кампанелла описывает, как воюют всадники Города Солнца. Он говорит, что они реализуют два одновременных независимых, и в то же время сопряженных процесса: управляют лошадьми только лишь при помощи ног, руки же при этом освобождены для действий с оружием (Кампанелла 2020: 77–78). Это и есть сочетание свободы и связности. Еще один пример касается системы обучения. Обучение строится через создание своего рода обучающей среды: учащиеся окружены информационным учебным материалом (изображениями, текстами, формулами с пояснениями), при этом формы освоения его не регламентированы строго, и обучение реализуется, например, во время прогулок (Там же: 22–28). То же в проблеме любви: любовь – это право человека, она не ограничивается и приветствуется; но особо определяется ответственность за рождение и воспитание детей, этому посвящена целая отдельная система общества. Отношение к труду: труд – обязанность, одно из главных достоинств человека, но каждый подбирает труд по своим наклонностям.

Чувство глубины, многомерности, бесконечности пространства реализовано в Городе Солнца в духе космичности: центр главного храма в Городе Солнца – сфера, изображающая космос в много-

численных подробностях (характеристики звезд и планет). Космос – незамкнут, бесконечен. Этим преодолевается «пространство мест» – часть эгоцентрического образа мира. В то же время Город Солнца пропитан разумностью, разумным рефлексивным подходом к отношениям как между людьми, так и с природой. Этим отдается всегда перевес содержанию, а не форме. Так преодолевается зависимость от форм, эгоцентрическое «пространство проекций».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ментальным ядром зрелых «образов будущего общества» должно быть сочетание: чувство бесконечности (чувство космичности) + рефлексия себя, своего содержания. Вместо пристрастности (потребностей) центром этого «образа» должно стать творчество, синергия с людьми и миром в самоактуализации.

Литература

Бэкон, Ф. 2020. *Новая Атлантида*. М.: ЭКСМО.

Кампанелла, Т. 2020. *Государство Солнца*. М.: ЭКСМО.

Яновский, М. И., Ягодкин, В. Н. 2019. Философско-психологические идеи Дж. Локка как ключ к пониманию американских ценностей. *Человек и мир*. Т. 3. *Институт психологии Российской академии наук* 1(6): 65–76.

Яновский, М. И., Яновская, Л. В. 2019. Аристотелизм как основа западной картины мира. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика* 29(4): 402–412.

Piaget, J., Inhelder, B. 1948. *La représentation de l'espace chez l'enfant*. Paris: Presses universitaires de France.